

На правах рукописи

ИНДЫЧЕНКО АРТЕМ АНДРЕЕВИЧ

**Чешский литературный язык
за пределами его этнической территории в XV – XVII вв.**

Специальность 10.02.03 – славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2015

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лифанов Константин Васильевич

Официальные оппоненты: **Варбот Жанна Жановна**,
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Отдела
этимологии и ономастики ФГБУН «Институт
русского языка им. В. В. Виноградова РАН»

Хмелевский Михаил Сергеевич,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры славянской филологии ФГБОУ ВПО
«Санкт-Петербургский государственный
университет»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

Защита диссертации состоится «22» апреля 2015 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
http://www.philol.msu.ru/~ref/2015/2015_IndychenkoAA_diss_10.02.03_19.pdf

Автореферат разослан « » _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е. В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению особенностей фонологической и морфологической системы чешского литературного языка, функционировавшего в XV – XVII вв. в Малопольше, Верхней Силезии и Западной Словакии.

В последние десятилетия славистика проявляет все больший интерес к современному статусу, специфике функционирования и к генезису этнических литературных языков славянских народов. В связи с вопросом о генезисе литературных языков особенное внимание лингвистов привлекают проблемы, связанные с описанием языковой ситуации у славянских народов в диахроническом аспекте. Как известно, коммуникативное пространство этноса в донациональный период значительно чаще, чем в современную эпоху, обслуживается несколькими идиомами, более или менее отдаленными друг от друга в генетическом плане. У отдельных славянских народов в сфере социально престижной коммуникации какое-то время или даже на протяжении многих веков функционировали языки, диалектная основа которых была иной, нежели язык местного населения.

Наибольшее внимание исследователей в этой связи привлекала языковая ситуация у народов ареала *Slavia Orthodoxa*, культурный мир которого долгое время характеризовало наличие гомогенного двуязычия (церковнославянский язык vs. постепенно формирующиеся этнические литературные языки южных и восточных славян). Напротив, в ареале *Slavia Latina* мы чаще встречаемся с сосуществованием в системе культурной коммуникации двух гетерогенных кодов (латинский, немецкий язык vs. этнический язык местного населения). Сходства и различия двух типов языковых ситуаций в славянском мире неоднократно обсуждались в лингвистической литературе (труды Н. И. Толстого, В. М. Живова, Н. Н. Запольской и др.).

Значительно меньше внимания в науке уделялось исследованию случаев гомогенного двуязычия в истории литературных языков западославянских народов. Источником культурно-языковой традиции в мире *Slavia Latina*, как отмечал еще Н. С. Трубецкой, был достаточно рано сформировавшийся чешский литературный язык¹. Уже в XIV – XV вв. на основе центрально-чешских говоров складывается наддиалектный идиом, который начинает активно функционировать в письменности. В XV в. на чешском литературном языке создаются многочисленные произведения богослужебной и светской литературы, также он проникает в памятники делового письма, ранее создававшиеся исключительно на латыни и немецком языке². Все это, наряду с отсутствием этнических литературных языков у соседних народов, открывало широкие перспективы для “чешской экспансии” (термин Б. Гавранека) в иные письменные традиции, проявлявшейся как в ориентации на чешский образец при складывании местного литературного языка, так и в использовании самого чешского языка в письменности. Период XV – XVI вв. – время активного функционирования чешского литературного языка за пределами этнической территории – в Силезии, Словакии, Польше, в меньшей мере в славянском ареале Великого княжества Литовского.

Как формы, так и результаты “экспансии” чешского литературного языка в письменность окружающих народов, были различны, что, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о специфических особенностях употребления чешского литературного языка на различных территориях в сравнительной перспективе. Внимание к сопоставительному аспекту исследования проблематики (при очевидном недостатке эмпирического материала) очевидно уже в обзорных трудах о межславянских связях,

¹ Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н. С. Избранное. Москва: Российская Политическая Энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.415-417.

² Широкова А. Г., Нешименко Г. П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 9-85.

созданных учеными рубежа XIX-XX вв. (работы А. Будиловича, Й. Первольфа). Плодотворность компаративного подхода продемонстрировали отдельные работы лингвистов и историков последующих поколений (Б. Гавранек, Й. Мацурек), созданные в 30-60-е гг. XX в. Вместе с тем, проблема сопоставления различных региональных разновидностей чешского литературного языка оставалась на всем протяжении XX в. на периферии богемистики как лингвистической дисциплины. Сложившееся положение объясняется целым рядом причин. Одной из самых значительных, по нашему мнению, является слабая разработка “немагистральных путей” истории чешской письменности в целом. Отчасти это связано с особенностями объекта исследования – как известно, специфической чертой развития чешской культурной традиции является наличие рано обозначившегося культурного центра – Праги. Однако в значительно большей степени причины затухания интереса к регионализму в истории чешского литературного языка связаны с характером чешской филологической традиции XX в., выросшей на идеях Пражского лингвистического кружка. Одной из основных сфер деятельности пражских структуралистов в 20-30-е гг. XX в. как в области теории, так и в области практики являлась языковая культура, что, несомненно, связано с тем, что чешский литературный язык получил после образования Чехословацкой Республики новую функцию государственного языка. Указанное положение имело следствием необходимость разработки теории литературного языка – и эта задача, как известно, была блестяще выполнена лингвистами Пражской школы. Вместе с тем, практическая мотивация деятельности “пражцев” косвенно отразилась на характере их идей: в частности, в богемистике возобладала телеологическая трактовка истории литературного языка, при которой предшествующий этап языкового развития исследуется постольку, поскольку он служит очередной ступенью к современному состоянию развитого и полифункционального литературного языка. Это привело к уменьшению интереса исследователей к исторической специфике

конкретных языковых ситуаций, к особым, пусть и маргинальным (с телеологической точки зрения) фактам истории литературного языка, к его локальным разновидностям, к вариантности и нестабильности его нормы.

Современная богемистика постепенно осознает необходимость исследования не только центральной, “пражской” версии литературного языка предшествующих эпох, но и языковой периферии, в связи с чем для исследователей становится очевидной необходимость изучения чешского языкового присутствия в различных регионах за пределами его этнической территории наравне с исследованием региональных вариантов чешского языка в Чехии и Моравии. В частности, на важность подобных разработок для истории чешского литературного языка в последнее время указывали О. Коупил и М. Гигер. Исследования, посвященные указанной проблематике, необходимы для дальнейшего плодотворного развития истории славянских литературных языков в целом и исторической богемистики в частности. Именно данный круг проблем рассматривается в реферируемой работе, что обуславливает **актуальность** диссертационного исследования.

Большинство работ, в которых анализируются чешские тексты, создававшиеся за пределами территории Чехии, возникло вне рамок богемистики, в связи с чем в них часто не ставится вопрос о соотношении результатов конкретного исследования с доступными сведениями об истории чешского литературного языка в целом. В реферируемой диссертации проблема соотношения языка исследуемых текстов с данными о соответствующей по времени языковой норме пражского центра является одной из центральных.

Кроме того, существуют определенные пробелы и в описании «магистральной ветви» истории чешского литературного языка (истории чешского литературного языка в пределах его этнической территории). Очевидно, что язык чешских памятников интересующего нас периода (XV – XVII вв.) описан далеко не в полной мере. Конкретные результаты нашего исследования в дальнейшем могут быть привлечены к комплексному

описанию истории чешского литературного языка, которое пока что остается делом будущего.

Объектом исследования в данной диссертационной работе являются фонетические и морфологические особенности языка текстов, создававшихся на чешском литературном языке в Малопольше, Верхней Силезии и Западной Словакии.

Предметом исследования в диссертации становятся сходства и различия в рецепции чешского литературного языка на различных территориях его надэтнического функционирования.

Целью нашего исследования является установление характера связи языка текстов, создававшихся за пределами чешской этнической территории, с языком пражского центра, а также определение специфики и меры взаимодействия чешского литературного языка с говорами, распространенными на территориях его надэтнического функционирования.

Постановка данной цели предусматривает необходимость решения следующих конкретных **задач**:

- 1) выработка общей методики описания языка текстов на чешском литературном языке, созданных за пределами этнической территории распространения чешского языка;
- 2) описание языка грамот, созданных в различных регионах функционирования чешского языка вне чешских земель;
- 3) сопоставление языковых особенностей текстов, создававшихся на чешском литературном языке в отдельном регионе, с доступными сведениями о языке чешских памятников соответствующего периода;
- 4) сопоставление языковых особенностей текстов, происходящих из различных областей надэтнического функционирования чешского литературного языка, между собой и интерпретация полученных результатов с применением лингвистического, в том числе контактологического, и историко-культурного инструментария.

Теоретической базой исследования послужили работы представителей различных отечественных и зарубежных научных традиций. Среди них работы классиков отечественного языкознания Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, В. В. Виноградова, Н. И. Толстого, М. М. Гухман, а также труды А. А. Алексеева, В. П. Гудкова, С. И. Дубинина, Н. Н. Запольской, К. В. Лифанова, Г. П. Нецименко, М. Л. Ремневой, Н. Н. Семенюк, Б. Гавранека, А. Едлички, Я. Порака, Я. Белича, Л. Новака, Э. Паулини, О. Коупила, М. Гигера, С. Томасон и Т. Кауфман.

Методы исследования определяются поставленными в нем целями и задачами, а также критическим рассмотрением достоинств и недостатков методологического аппарата в трудах исследователей XIX – XXI вв. Основными методами исследования материала в данной работе являются описательный, системно-структурный и функциональный. В работе используется методика конфронтационной интерпретации языкового материала, а также элементы статистического метода и концептуального аппарата контактной лингвистики. Специфика исследования текстов донационального периода обусловила привлечение к исследованию методов источниковедческого анализа, а также сведений из истории и культуры славянских народов Центральной Европы.

Материал исследования. Основой данной работы послужил лингвистический анализ репрезентативного корпуса текстов, насчитывающего 252 грамоты, созданные на чешском литературном языке за пределами чешских земель. Материал был собран в ходе работы с различными изданиями, хранящимися в фондах Национальной библиотеки Чешской Республики (Прага), библиотеки Института языкознания им. Л. Штура (Братислава), Университетской библиотеки (Братислава) и других зарубежных и отечественных собраний. В большинстве своем исследованные тексты являются образцами деловой корреспонденции между представителями королевского либо княжеского двора, городами, крупными и мелкими феодалами Малопольши, Верхней Силезии и Западной Словакии,

с одной стороны, и чешскими землями, с другой. Хронологические рамки исследования – 30-е гг. XV – 90-е гг. XVII вв. Нижняя граница исследуемого корпуса текстов определяется временем появления первых сохранившихся до наших дней в связном виде грамот на чешском литературном языке, созданных за пределами чешских земель.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что изучение следов чешского языкового присутствия в соседних регионах в соседних регионах в сопоставительном плане ранее не проводилось. В большинстве своем тексты, анализ которых послужил основой данной работы, никогда не подвергались лингвистическому исследованию.

Теоретическая значимость работы связана с принципиально новым подходом к истории чешского литературного языка как языка надэтнического. В диссертации впервые с использованием единой методики описания и интерпретации сопоставляются особенности языка текстов, создававшихся на чешском литературном языке за пределами его этнической территории. Кроме того, в работе обсуждаются традиционные и современные подходы к понятию литературного языка донационального периода, характера его нормы, а также специфике языковой ситуации в славянских странах в эпоху Средневековья и раннего Нового времени.

Научно-практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов при комплексном описании истории чешского литературного языка, а также культурно-языковой истории чешского, польского и словацкого этносов. Заявленные в работе положения также могут быть использованы при чтении курсов «История чешского языка», «История словацкого языка», «История Чехии», «История Словакии», «История Польши», «Введение в славянскую филологию».

Положения, выносимые на защиту:

1) Чешский язык, функционировавший в XV – XVII вв. за пределами его этнической территории, обладал достаточно высокой стабильностью в

отношении передачи рефлексов, характеризовавших язык пражского центра в соответствующий период.

2) Стабильность чешского литературного языка за пределами его этнической территории подтверждается, в частности, характером распределения в текстах дублетов и малой степенью проникновения в них диалектных черт.

3) Связь языка текстов с пражским центром, в XVI – XVII вв. продолжала сохраняться, хотя и в разной степени, о чем свидетельствует проникновение центрально-чешских фонетических инноваций XIV – XV вв., которые в рассматриваемую эпоху не были стабильными чертами чешского литературного узуса (ý>ej, é>í, ou- в инициальной позиции, протетическое v- перед /o/).

4) Тексты на чешском литературном языке, созданные за пределами его этнической территории в XV – XVII вв., тем не менее характеризуют значительные различия. Характер видоизменения чешского литературного языка и степень стабильности его системы в сочетании с внешелингвистическими факторами являлись предпосылками различных исторических судеб чешского литературного языка в отдельных регионах его функционирования.

5) Текстам на чешском литературном языке, создававшимся в XV – 1 пол. XVI вв. на территории Малопольши, свойственна тенденция к перегрузке системы элементами различного генетического происхождения. Перегрузка системы вела к меньшей степени стабильности нормы чешского литературного языка, употреблявшегося в деловой письменности на данной территории, что в сочетании с внешелингвистическими факторами определило его дальнейшую судьбу в польской письменности. Со второй половины XVI в. чешский язык вытесняется даже из той ограниченной сферы, в которой он был представлен в XV – первой половине XVI вв.

6) Языковой облик текстов, созданных на чешском литературном языке в Верхней Силезии, в различные периоды варьировался. На первом этапе

(XV – первой половине XVI вв.) язык текстов силезского происхождения характеризовался процессами консервации древнечешской системы. Со второй половины XVI в. тексты все больше следуют языку пражского центра. Достаточно высокая степень стабильности его норм и постоянная ориентация на изменения, происходящие в чешском литературном языке в Чехии и Моравии, являлись предпосылкой длительного сохранения данного идиома в системе верхнесилезской письменной коммуникации.

7) Наибольшую специфику обнаруживает история чешского литературного языка в Западной Словакии. Язык текстов, создававшихся в данном регионе в XV – первой половине XVI вв., в целом соответствует нормам чешского литературного языка пражского центра. Однако уже в данный период мы наблюдаем процесс упрощения чешской языковой основы под воздействием местного западнословацкого диалекта, который может быть определен как *адаптация* чешского литературного языка путем его дебогемизации. В текстах 2-й половины XVI – XVII вв. период данные процессы значительно усиливаются.

Апробация работы проходила в форме докладов на II Международном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011), на конференциях «Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития» (ГАСК, 2012), «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013), «Славянский мир: общность и многообразие» (Институт славяноведения РАН, 2014), совещании-семинаре, посвященном юбилею В. П. Гудкова (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014). Результаты диссертационного исследования также были представлены на заседании сектора славянского языкознания Института славяноведения РАН (июнь 2014). По теме диссертации опубликовано 9 работ, в том числе 3 статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к диссертации намечена общая проблематика исследования, определяется его теоретическая база, обосновывается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, определены цели и задачи исследования, охарактеризованы объект и материал исследования.

В первой главе **«Проблемы описания истории литературного языка донационального периода и надэтнического употребления славянских литературных языков»**, обсуждаются традиционные и современные подходы к понятию литературного языка донационального периода и характеру его нормы, а также специфика языковой ситуации в славянских странах в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. В данной части работы с опорой на достижения отечественной лингвистики (В. В. Виноградов, А. А. Алексеев, М. М. Гухман, В. П. Гудков, Г. П. Нещименко и др.) подчеркивается обоснованность применения к исследованию языковой ситуации донационального периода термина «литературный язык», понимаемого как исторически изменчивый феномен. При исследовании данного этапа развития литературного языка, по нашему мнению, возможно в общем и целом сохранить концептуальный аппарат, применяемый при описании современных литературных языков, однако представляется необходимым четко обозначить отличия донационального периода от национального, к чему призывал еще В. В. Виноградов³. Эти различия проявляются как в структуре литературного языка (характер нормы

³ Виноградов В.В. Литературный язык // Избранные труды. История русского литературного языка. Москва: Наука, 1978. С.288-291.

и степень вариативности), так и в характере языковой ситуации (особенности двуязычия). Привлечение к описанию истории литературного языка донационального периода понятий, заимствованных из концептуального аппарата контактной лингвистики, позволяет по-новому и, вместе с тем, достаточно убедительно интерпретировать ряд явлений в истории литературных языков, генетический аспект которых ранее зачастую трактовался в категориях “свой” – “чужой” в этноязыковом отношении.

В связи с задачами данной работы представляется также необходимым обратиться к типам вариативности, выделенным А. Едличкой⁴. Для целей нашего исследования оказываются актуальными два типа вариантности – историческая и региональная. Исследование текстов на чешском литературном языке, создававшихся за пределами чешской этнической территории, приводит нас к мысли о необходимости выделения еще одного типа вариантности – мы называем ее *специфической вариантностью*. Речь идет о ситуации, когда старший вариант реализации рефлекса совпадал с реализацией рефлекса в говорах той местности, где чешский литературный язык выступал в функции надэтнического, следовательно, мы а priori не можем охарактеризовать эту вариантность ни как историческую, ни как региональную. Интерпретация данного типа вариантности в ходе сопоставления с ситуацией в чешских памятниках соответствующего периода как исторической или региональной, в свою очередь, служит доказательством сохранения системы чешского литературного языка на определенной территории либо свидетельствует о видоизменении системы.

Отдельное внимание в первой главе посвящено вопросу о статусе деловой письменности в системе письменной коммуникации в различных регионах в различные эпохи. Суть проблемы состоит в возможности признания памятников деловой письменности памятниками литературного языка. Очевидно, что в различных славянских регионах статус деловой

⁴ Jedlička A. Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika normy // Slovo a Slovesnost, 29. 1968. Č.2. S. 113-125.

письменности не был одинаков. Так, согласно В. М. Живову, кодификация действующих юридических норм у восточных славян, по-видимому, лежала вне культурной сферы, и поэтому в данном случае употреблялся некнижный (деловой) язык, в то время как у южных славян государственное юридическое творчество входило в сферу культурной письменности и, посему, испытывало значительное влияние книжного языка⁵.

Чешская деловая письменность обладала в системе культурной коммуникации иным статусом, нежели деловая письменность в истории языков церковнославянской традиции. В истории чешского литературного языка памятники деловой письменности в определенные периоды представляли более устойчивую и разработанную норму, чем литературные тексты, еще не вполне избавившиеся от влияния латыни⁶. В этом смысле история чешского литературного языка, вероятно, типологически ближе к иным этническим европейским языковым традициям (в частности, к немецкому языку), для истории которых исключительно важны памятники деловой, кацелярской прозы, нормы которой нередко определяли отличительные признаки литературных языков нового времени.

Следующие три главы диссертации посвящены анализу языкового материала чешских грамот, создававшихся в XV – XVII вв. на территории Малопольши, Верхней Силезии и Словакии.

Во второй главе **«Чешский литературный язык в деловой письменности Малопольши (2-я пол. XV – 1-я пол. XVI вв.)»** кратко описывается история бытования чешского языка в Польше и приводятся результаты исследования особенностей языка корпуса чешских грамот, созданных на территории Малопольши (всего 36 единиц).

⁵ Живов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М.: Издательство МГУ, 1988. С. 49-98.

⁶ Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého // Československá vlastivěda. Řada II. Spisovný jazyk český a slovenský. Praha: Sfinx, 1936. S.31, 58.

Первая дошедшая до нас чешская грамота с территории Польши относится к 1431 г. В период наиболее активного употребления в Польше чешский литературный язык использовался в грамотах польской королевской канцелярии и польских городов, представителями польских центральных органов власти, рядом дворян, а также польскими наемными воинами. Чешские грамоты постепенно исчезают во второй половине XVI в. в связи с формированием польского литературного языка и развитием польской письменности на этнической основе.

Исследованные тексты польского происхождения сохраняют связь с языком современных им чешских текстов, создававшихся на чешской территории. Об этом свидетельствуют результаты исследования соотношения дублетов (šč/šť, aj/ej, ó/uo, флексии ej/é в дат. и мест. падежах адъективалий жен. рода) и динамики закрепления в текстах вариантов-инноваций, а также время проникновения и мера присутствия в текстах черт «более свободного литературного узуса (протетическое v-, сужение é>í, дифтонг ou<ú).

Полонизмы в исследованных текстах представлены хотя и разнообразно, однако достаточно непоследовательно. Среди характерных полонизмов в грамотах встречаются нетипичные для чешского языка согласные фонемы /č/, /š/, /dž/, /dz/ – Mac14-1455 jisciny, Mac15-1455 zdrádzec, Mac19-1465 dziedzic, Mc23-1473 na švedomu, Mc32-1488 právem...švěckēm, kázali šem (!), Mc36-1491 počešnosc, Mc37-1495 cišiec, Mac15-1455 připudzený, Mc23-1473 peniedzy, Mc32-1488 narodzenie; носовые гласные /ą/, /ę/ – Mc32-1488 svianteho (пол. święty), Mc33-1490 úřand (пол. urząd), Mac35-1491 bandziemy (пол. będziemy). В нескольких случаях отражается «лехитская перегласовка» – Mc23-1473 viadomošči, obmiaskano bylo, Mc32-1488 novým...náliazem, Mc33-1490 viarovania, Mc35-1491 lata Božeo (*ě>ä>'a); Mc23-1473 vymysloných, požičoného, Mc30-1484 osvieconé knieže (*e>o).

Наиболее распространенной в текстах морфологической инновацией является перераспределение флексий, связанное с различиями между польским и чешским языками, касающимися твердой и мягкой разновидностей склонения существительных и адъективалий – Mc14-1455 *na svědomé* (чеш. *na svědomí*, древнепол. *na świadomie*), Mc34-1491 *přet narozeném* (чеш. *před narozením*, пол. *przed narodzeniem*), Mc11-1455 *pěšého* (чеш. *pěšího*, пол. *pieszego*), Mc30-1484 *lěpšému* (чеш. *lepšímu*, пол. *lepszemu*). Помимо перераспределения флексий, в тексты проникают новые, нетипичные для чешского языка флексии: -och в мест. п. мн. ч. сущ. муж. и ср. рода (Mac24-1474 *v lesoch*, Mac50-1508 *po...držiteloch*); -ym в мест. п. ед.ч. адъективалий муж. и ср. рода (Mc29-1480 *v bytomským gbytě*, Mc56-1524 *na hradě krakovským*). Иные местные особенности отражаются в текстах sporadически.

Большинство полонизмов фиксируется в небольшой группе текстов 1473-1492 гг., язык которых в связи с наличием в них черт «более свободного литературного узуса» чешского языка, а также других типично-чешских явлений, мы характеризуем как «гибридный». Тот факт, что в текстах этой группы, тем не менее, отражаются все те диалектные явления, что, пусть и в меньшей степени, представлены в иных текстах польского происхождения, позволяет нам утверждать, что языковой облик грамот «гибридной» группы отражает потенциал видоизменения чешского литературного языка на территории Польши. Чешский язык, употреблявшийся в деловой письменности Польши, в целом отличала низкая степень стабильности письменного узуса. Нестабильность, а также осложнение системы чешского литературного языка различными элементами гетерогенного происхождения, приводившее к ее перегрузке, а, следовательно, меньшей устойчивости, явились предпосылкой постепенного вытеснения чешского литературного языка из польской письменности, на которое, разумеется, имели влияние и внешелингвистические факторы. По-видимому, проникновение в различные жанры польской письменности польского литературного языка было

облегчено долговременным присутствием в текстах, создававшихся на территории Польши, близкородственного литературного языка – чешского.

В третьей главе **«Чешский литературный язык в деловой письменности Верхней Силезии (вторая половина XV – XVII вв.)»** характеризуется языковая ситуация в Верхней Силезии, рассматриваются подходы различных исследователей к исследованию данной проблематики и приводятся результаты анализа языка корпуса чешских грамот верхнесилезского происхождения (всего 82 единицы).

Реконструкция культурно-языковой карты Силезии предшествующих эпох представляет собой исключительно трудную задачу, что связано, во-первых, с мультиэтничностью этой исторической области, и, во-вторых, с исключительно трудной политической историей силезских земель, которые никогда не составляли единого политического образования. В силу географической близости силезские земли уже в древнейший период попали под сильное воздействие чешской культуры. Значительное чешское языковое присутствие в Силезии, судя по всему, начинает ощущаться с середины XV в., что проявляется в проникновении чешского языка в проповеди и духовные песни, в область литературного творчества, а также в деловую письменность. В XVI в. чешский язык занимает место единственного официального языка Верхней Силезии, что закрепляется в ряде официальных документов. Я. Малицкий полагает, что благодаря высокому уровню своего развития, а также сознательному использованию в функции официального, «государственного» языка (а также, добавим, относительной близости к местным говорам), чешский литературный язык стал в Силезии контактным языком, обеспечивавшим успешную коммуникацию в сфере общественной жизни различных слоев населения⁷. Чешским языком владели представители тешинской ветви польской династии Пястов, силезская шляхта, а также чиновники и представители городской администрации. Все они создавали на

⁷ Malicki J. Slezsko-česká jazyková pospolitost ve vývoji jazykového vědomí Čechů a Moravanů do konce 18. století // Listy filologické, CXXX. 2007. Seš. 3-4. S.308.

чешском литературном языке различные документы и поддерживали корреспонденцию как с чешскими землями, так и друг с другом.

Исследованные тексты верхнесилезского происхождения XV – XVII вв. достаточно последовательно отражают современный им чешский литературный узус, а местные особенности проникают в них в незначительной мере. Можно утверждать, что тексты силезского происхождения в первый период (XV – 1 пол. XVI вв.) в меньшей мере, нежели тексты, создававшиеся в Малопольше, отражают центрально-чешские инновации и черты «более свободного литературного узуса». В текстах XV – 1 пол. XVI вв. мы, как правило, встречаемся с присутствием старших вариантов, характеризовавших узус чешского литературного языка до проведения ряда фонологических изменений (сочетания *šč*, *aj*, достаточное количество примеров */ó/*, флексии род. и дат. п. мн. ч. сущ. муж. род. *-ov* и *-om* и др.). Старшие варианты реализаций рефлексов совпадали со своими коррелятами в местном диалекте, что, вероятно, поддерживало их присутствие в текстах и приводило к некоторой консервации древнечешской системы. Степень проникновения диалектизмов в тексты этого периода невелика.

Начиная со второй половины XVI в. соотношение характерных черт языка грамот верхнесилезского происхождения и обычного для той эпохи чешского литературного узуса изменяется. В тексты в большей мере начинают проникать черты «более свободного литературного узуса». Соотношение вариативных элементов в рассматриваемую эпоху также меняется в сторону большего сходства с узусом собственно чешских памятников (*št' < šč*, *ej < aj*, генетивная флексия *-ů/ův*).

Тем не менее, в отношении ряда вариантных реализаций рефлексов в текстах верхнесилезского происхождения XVII в. можно постулировать определенную специфику. Характерными особенностями текстов верхнесилезского происхождения являются: 1) консервация в XVII в. старшего дифтонга */uo/* (в чешских текстах XVII – */ů/*); 2) сохранение

старшего варианта флексии дат. п. мн. ч. сущ. муж. рода -om (в чешских текстах XVII в. по преимуществу -ŭm); 3) достаточно последовательная реализация флексии -ej в род., дат., мест. падежах адъективалий жен. рода твердой разновидности, а также проникновение этой флексии в мягкую разновидность адъективалий (в чешском языке XVII в. в этих позициях как правило представлена флексия -ě); 4) сохранение вариантности ů/ou (в чешском литературно-письменном узусе XVII в. практически повсеместно присутствует /ou/).

Вместе с тем, анализ распределения вариантов реализаций рефлексов не дает возможности утверждать наличие у создателей силезских грамот интенции к адаптации чешской языковой основы, осознанного приближения нормы чешского литературного языка, употреблявшегося в Силезии, к особенностям местных говоров. Диалектизмы на протяжении всего рассматриваемого периода XV – XVII вв. проникают в тексты в очень ограниченной мере. В ряде случаев в текстах обнаруживаются несвойственные чешскому языку палатализованные фонемы /m'/, /b'/, /v'/, /s'/, /z'/, /l'/, /c'</t'/ и /ʒ'</d'/, а также расширение позиций присутствия палатализованных фонем /n'/, /t'/, /d'/ (ср. PT-1457 potomkowie, odmiezeno, Kn48-1508 szwerchu, Kn34-1496 zasie, Kn25-1483 na tielie, Mc132-1592 nědzieli). Однако число реализаций каждой из указанных фонем либо нетипичных для чешского языка позиций их реализации во всем корпусе грамот обычно не превышает 2-3 примеров. Единственным последовательно реализующимся диалектизмом в грамотах второй половины XVI – XVII вв. является вставной гласный (преимущественно /e/) в праславянских сочетаниях с редуцированным *tьrt, *tьlt, в тех случаях, когда в чешском литературном языке представлен слоговой согласный (ср. Mc126-1590 úplným, Mc72-1635 skerze, vyterhel, pelnomocenstvím, Mc110-1641 verch). Иные местные особенности отражаются в текстах спорадически.

Таким образом, в языке текстов верхнесилезского происхождения 2 пол. XVI – XVII вв. местная специфика проявляется в консервации набора

характерных черт чешского литературного языка предшествующей эпохи (XV – 1 пол. XVI вв.), а также в очень небольшом количестве диалектизмов. Высокая степень стабильности чешского литературного языка, бывшего в употреблении в Силезии, обусловленная, в частности, его малой проницаемостью для разнообразных осложняющих систему диалектизмов (см. ситуацию в Малопольше) послужила неплохой предпосылкой сохранения этого идиома в системе письменной коммуникации различных верхнесилезских княжеств вплоть до XVIII в.

В четвертой главе **«Чешский литературный язык в деловой письменности Западной Словакии (XV – XVII вв.)»** кратко описывается история бытования чешского языка в Словакии, анализируются подходы исследователей к описанию языковой ситуации словацкого этноса в докодификационный период и приводятся результаты анализа языка чешских грамот западнословацкого происхождения (136 единиц).

Культурно-языковая история словацких земель представляет собой исключительно сложный феномен и может служить моделью разнонаправленных языковых контактов в культурном пространстве Центральной Европы Средневековья и Нового Времени. Прежде всего это связано с историей словацких земель, где в эпоху Средневековья не создалось условий для формирования литературного языка на местной диалектной базе. В XIV в. словацкие земли попали под значительное влияние Чешского королевства, что послужило причиной проникновения в словацкую письменность близкородственного чешского языка. Со временем сфера употребления чешского литературного языка в Словакии все расширялась, и с конца XIV – нач. XV в., по утверждению Э. Паулини, он приобрел функцию «письменной формы литературного языка словацкого этноса»⁸. Вместе с тем, диапазон мнений о роли чешского языка в Словакии в трудах различных исследователей был и остается достаточно широким – от утверждений о том, что все памятники словацкого происхождения до первой

⁸ Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983. S. 66, 73.

кодификации словацкого языка (1787 г.) были созданы по-чешски (А. Пражак) вплоть до сведения роли чешского языка в Словакии до «орфографического образца» для создававшихся на «культурном словацком языке» памятников (Р. Кухар). Эволюция понятия «культурный язык» в славистике представляет значительный интерес. Будучи заимствован из польской лингвистики, он успешно прижился в словакистике начиная с трудов Э. Паулини и Р. Крайчовича, несмотря на то, что словацким лингвистам так и не удалось прийти к компромиссу ни по вопросу о количестве «культурных языков», функционировавших на территории Словакии (культурный словацкий язык с тремя региональными разновидностями vs. три культурных языка), ни о сферах его функционирования (устная/письменная), ни об эпохе формирования этого идиома. Попытка описания языковой ситуации в Словакии в докодификационный период в рамках теории «культурных языков», к сожалению, привела к отказу большинства словацких лингвистов от исследования чешского языка, употреблявшегося на территории Словакии в XIV – XVIII в. и сужению контекста употребления чешского литературного языка в Словакии до пределов богослужебной сферы словацких евангеликов. Все остальные области его употребления были оттеснены на периферию культурно-языковой ситуации фактом признания исходно чешских текстов с тем или иным количеством словакизмов памятниками «культурного словацкого языка». Последние десятилетия ознаменовались оживлением интереса к языковой ситуации в Словакии XIV – XVIII вв., проявившимся в трудах исследователей, работающих за пределами Словакии, – К. В. Лифанова, М. Лауэрсдорфа, М. Гигера. Указанные авторы предлагают различные новые подходы к проблематике культурно-языковой истории словацких земель в докодификационный период. Вместе с тем, в их работах отмечается необходимость новых эмпирических исследований. Такие исследования помогли бы решить задачу, поставленную еще в конце 30-х гг. Л. Новаком – установить, каким образом из литературного чешского языка в

Словакии в процессе “отталкивания” от его норм образовался словацкий литературный язык, кодифицированный в конце XVIII в. А. Бернолаком.

В целом исследованные грамоты западнословацкого происхождения достаточно последовательно отражают генетически чешские реализации как фонетических, так и морфологических рефлексов. При отражении дублетов (šč/šť, дифтонга и монофтонга /uo/ и /ó/, также во флексиях -uov/-ov) тексты западнословацкого происхождения не демонстрируют преимущественного присутствия варианта, соответствующего западнословацким говорам. Преобладание в текстах XV – сер. XVI вв. старших вариантов реализаций рефлексов -aj- и /ú/, совпадающих с западнословацким диалектом, находит объяснение в системе самого чешского литературного языка, закрепление в котором инноваций (-ej- и /ou/) относится к позднему периоду. В текстах 2-й половины XVI – XVII вв., как правило, побеждает чешская инновация (šť, ej, /ů/, /ou/). Однако старший вариант устраняется из текстов непоследовательно и, таким образом, в них возникает оригинальная вариантность (ej/aj, ů/uo, ův/ov, ou/ú). К специфическим чертам текстов словацкого происхождения относится высокая частотность флексии -ej в формах род., дат. и мест. п. адъективалий жен. род. твердой и мягкой разновидности, а также флексия дат. п. мн. ч. сущ. муж и ср. род. -om.

Среди черт «более свободного литературного узуса», довольно активно проникавших в тексты в 30 – 40-е гг. XVI в., наиболее распространенными являются сужение é>í, а также протетическое v-. В отличие от текстов, возникших в Силезии, тексты словацкого происхождения во 2-й половине XVI – XVII вв. отражают указанные явления в меньшей либо в той же мере, что и в предшествующий период. Очевидно, что эти явления не становятся обязательными элементами местного западнословацкого литературно-письменного узуса.

Наиболее ярко специфика текстов западнословацкого происхождения проявляется в упрощении фонологической и графической системы чешского литературного языка, обусловленном воздействием местного диалекта. Из

текстов с течением времени достаточно последовательно устраняется отсутствующая в говорах словацкого языка фонема /ř/, значительно реже начинает обозначаться йотация губных и мягкость палатализованных согласных (ср. написания Var100-1538 s kieri pryczyny, dobre varovaly, uredniczy, Mc169-1608 veríme, Mc109-1583 vyrozumel, Kn33-1491 bez dety). Со временем число подобных написаний, свидетельствующих об упрощении системы, значительно возрастает.

Особое внимание следует обратить на отсутствие в исследованных текстах словацкой фонемы /dz/<*dj, . В отличие от грамот польского происхождения, отражающих, хотя и очень непоследовательно, польский коррелят указанного рефлекса, в текстах, созданных на чешском литературном языке в Западной Словакии, мы встречаемся исключительно с реализацией рефлекса по чешскому образцу (упрощение *dj>dz>z), что свидетельствует об отсутствии тенденции к осложнению системы дополнительными элементами.

Иные диалектизмы проникали в тексты западнословацкого происхождения в ограниченной мере. Некоторые явления, среди которых отсутствие перегласовок (Kn14-1478 gaczmena), особенности парадигмы указательного местоимения ten (Var135-1542 temu, v tym), дифтонги верхнетренчинского говора (Mcr106-1641 poručiam) в текстах XVII в. встречаются в текстах 2-й пол. XVI – XVII вв. чаще, чем в предшествующий период, однако они не могут рассматриваться как дистинктивные признаки идиома, функционировавшего в деловой корреспонденции в Западной Словакии, поскольку проникают в тексты крайне несистематически. В отношении иных отступлений от нормы говорить о некой динамике вообще не представляется возможным: спорадически представленные в грамотах XV-XVI вв., они лишь изредка появляются в текстах XVII в.

В целом тексты западнословацкого происхождения характеризует стремление к упрощению системы чешского литературного языка (в первую очередь в области фонологии) и стремление к консервации

предшествующего состояния чешского литературно-письменного узуса. Наиболее последовательно данные тенденции проявляются в текстах XVII в. Вместе с тем, в сравнении с текстами, создававшимися на чешском литературном языке в XV – XVI вв. в Польше и в XV – XVII вв. в Силезии, тексты словацкого происхождения демонстрируют наибольшую степень последовательности в отражении нетипичных для чешского письменного узуса соответствующего периода явлений (утрата *ř*, непоследовательное обозначение йотации губных и палатализации /*ň*/, /*tʲ*/, /*dʲ*/). Собственно локальные словацкие явления отражаются в текстах хотя и в достаточной мере, однако очень несистематически. Несистематичность отражения в текстах диалектных явлений и особенности видоизменения системы, обусловленные внутренними потенциями самой системы (упрощение, консервация) не дают оснований для квалификации языка текстов западнословацкого происхождения как качественно отличного от чешского литературного языка. По нашему мнению, это позволяет рассматривать совокупность процессов, происходивших в чешском литературном языке в XV – XVII вв. Западной Словакии, как *адаптацию* чешской языковой основы к говорам западнословацкого диалекта. Указанный процесс, по крайней мере на данном этапе, правомерно описывать не как процесс постепенной «словакизации» (термин, с которым часто приходится сталкиваться в трудах по словакистике), но как процесс частичной дебогемизации языка текстов, в иных позициях достаточно последовательно передающих чешские варианты реализации общеславянских рефлексов, соответствующие ситуации в чешских текстах, создававшихся в данный период в Чехии и Моравии.

Тенденция к дебогемизации проявляется и в последующие периоды словацкой культурно-языковой истории: как известно, процессы постепенного отмежевания от чешского литературного языка на различных уровнях характеризуют историю словацкого литературного языка на протяжении XVIII – XX вв. Предпосылки подобной линии развития намечаются в словацкой письменности уже в процессе видоизменения

чешской языковой основы, которую мы можем наблюдать в языке деловой корреспонденции XVI – XVII вв.

В **Заключении** подведены итоги проведенного исследования, сделаны общие выводы и намечены перспективы дальнейшего исследования проблематики. Исследование привело нас к общему выводу о том, что чешский язык, употреблявшийся в XV – XVII вв. за пределами этнической территории, характеризовался достаточно высокой стабильностью и сохранял связь с пражским центром. Вместе с тем, отдельные регионы его надэтнического функционирования характеризовались различной степенью и направленностью модификации исходной языковой основы под воздействием местных диалектов. Тенденции видоизменения системы чешского литературного языка на различных территориях возможно поставить в соответствие его позднейшим судьбам в различных регионах надэтнического функционирования.

В **приложении** приводятся сводные таблицы реализаций в исследованных текстах отдельных рефлексов.

Основные положения диссертации были представлены в следующих публикациях:

1. **Индыченко А. А. Об использовании чешского литературного языка не чехами в XIV – XVII вв. // Вестник славянских культур. (XXX). №4. М., 2013. С.50-57.**
2. **Индыченко А. А. Чешский литературный язык XVII в. в деловой корреспонденции на территории Западной Словакии и Силезии // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. №1. Пятигорск, 2014. С.20-27.**
3. **Индыченко А.А. Особенности письменного узуса чешских грамот, происходящих с территории Словакии и Малопольши в XV-1 пол. XVI вв. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. №4. М., 2014. С.136-142.**

4. *Индыченко А. А.* Контактная лингвистика и история чешского литературного языка: к постановке проблемы // II Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». 21–24 марта 2012 г. Труды и материалы. Сост. О. В. Дедова, Л. М. Захаров, К. В. Лифанов. Под общ. рук. М. Л. Ремневой. М., 2012. С.54-55.
5. *Индыченко А. А.* Чешский язык за пределами его этнической территории в XV-XVII вв.// Сборник тезисов международной межвузовской конференции «Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития». Вып.3. Богатство и разнообразие истории и культуры мира славян. 29 мая 2012 г. Отв. ред. и сост. И. И. Калиганов. М., 2012. С.58-61.
6. *Индыченко А. А.* О языке чешских грамот XV - первой половины XVI вв., происходящих с территории Западной Словакии, Малопольши и Силезии // Материалы международной научной конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии». 26-28 ноября 2013 года. М., 2013. С.142-144.
7. *Indyčenko A. A.* K otázce užívání spisovné češtiny v Malopolsku a ve Slezsku v 15.–17. stol. // Nová čeština doma a ve světě. Č.1-2. Praha, 2013. S.49-55.
8. *Индыченко А.А.* Чешский язык в деловой корреспонденции Западной Словакии в XV-XVII вв. [Электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2014» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2014. http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/section_26_2704.htm
9. *Индыченко А. А.* Вопрос о бытовании чешского литературного языка за пределами его этнической территории в славистических работах XIX-XX вв. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып.32. Воронеж, 2014. С.179-194.